

С.В. ПЕРЕВАЛОВА
(Волгоград)

«ОТ НАС ВОЕННЫЕ ГОДА ВСЕ ДАЛЬШЕ...»: ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассматривается тема памяти о Великой Отечественной войне в русской литературе конца XX – начала XXI вв., объединяющей произведения художников-современников, «задержанную» литературу и книги русского зарубежья.

Ключевые слова: лейтенантская проза, память, автор, герой.

В современной русской литературе есть веские причины актуализировать тему Великой Отечественной войны: для сегодняшней молодежи 1940-е гг. отодвинулись вглубь истории, сама война стала «дедушкиной», правда о ней нелегко пробивается через попытки некоторых западных политиков «подкорректировать» роль нашего народа в победе над фашистской Германией. Тем важнее роль произведений русских художников, в годы Великой Отечественной на себе испытывавших сверхпределные исторические нагрузки, но не изменивших ни Родине, ни себе. В этом ряду особенного внимания заслуживает повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» – «рассказ не наблюдателя, а участника, находившегося на переднем крае» [10, с. 492]. В отличие от фронтовых корреспондентов армейской печати (К. Симонов, В. Гроссман, М. Шолохов и др.), писавших о военных событиях «по горячим следам», Виктор Некрасов до июня 1941-го не имел литературного опыта. Архитектор по образованию, в дни Сталинградской битвы он стал полковым инженером и заместителем командира саперного батальона. В 1946 г. создал свою первую «книгу о солдатах и их командире» (В.Некрасов), войдя в историю русской литературы в «армейских кирзачах». Художники фронтового поколения признают: все они «из некрасовских “Окопов” вылезли, как классические предки из шинели» [8, с. 12]. Сегодня отзвуки этой повести дают о себе знать во всех произведениях «лейтенантской» прозы, авторы которой прошли войну солдатами и офицерами переднего края [1, с. 185]. В наши дни они сосуществуют в едином пространстве русской литературы, независимо от того, были они официально признаны в советский период истории, запрещены или только сегодня возвращаются из русского зарубежья.

Сколько бы лет ни прошло со дня Великой Победы, характеры молодых героев «лейтенантской» прозы, которые в юности «брали выше себя» (Вяч. Кондратьев), подсвечены особым светом служения Отечеству. Это справедливо и по отношению позднему творчеству самого В.П. Некрасова, например, к его рассказу «Девятое Мая», созданному в начале 1980-х в эмиграции. Здесь главный герой Вадим Николаевич Карташов, кто, как и сам писатель, «весь Сталинград оттрубил», высказывает мнение: *Прошло столько лет, а годы эти кровавые страшные, кругом смерть, – вспоминаются ... как чистые, незапятнанные* [13, с. 540]. Правда, горькая ирония сквозит в сюжете и характерах рассказа о том, что тридцать восьмой день Победы русский художник-эмигрант Карташов встречает в Гамбурге с бывшим «фрицем», немецким летчиком, после нескольких лет «русского плена» вернувшимся к себе домой. Когда-то один из них защищал Мамаев курган, а другой летал над ним на фашистском самолете-разведчике и наводчике «Фокке-вульф – 189». По мере развития сюжета у читателей создается впечатление о том, что Карташов – постаревший лейтенант Керженцев, главный герой повести Некрасова «В окопах Сталинграда», от лица которого ведется повествование в произведении: он до мельчайших подробностей помнит те дни. К тому же Карташов, как и Керженцев, в ком неоспоримо присутствие автобиографического начала, бесстрашен, честен и прям. По-видимому, эти свойства в самом Некрасове сформированы с детства: «дворянское происхождение и воспитание» («Первые три года своей жизни маленький Вика провел за границей, с мамой Зинаидой Николаевной, двумя тетушками и нянькой-француженкой. Жили в Париже, в одном доме с Луначарскими. <...> Мама дружила с Плехановым, хорошо знала Ленина, пряталась с Крупской и Марией Ильиничной – сестрой Владимира Ильича, побывала

с ними в Женеве, Цюрихе и Лозанне» [16, с. 116]) заложили в нем «привычку к внутренней свободе, от которой он так и не смог избавиться» [5], какие бы сложности ни приходилось преодолевать. «Окончив Киевский строительный институт, архитектор Некрасов неожиданно сделался актером. Война застала его в Ростовском театре «Красной армии», откуда он ушел на фронт дивизионным инженером. Харьковское наступление, затем отступление, Сталинград» [15], воспоминания о котором – в основе его знаменитой повести «В окопах Сталинграда», созданной «никому неизвестным автором со знаменитой фамилией» (В.Рябцев).

Читателям старшего поколения она хорошо известна, а молодежь впервые открывает ее для себя: получив клеймо диссидента, писатель в 1974 г. был вынужден эмигрировать во Францию. Его имя не упоминалось в печати, книги оказались под запретом и возвращаются к нашим соотечественникам только с начала 1988 г. (годом ранее самого автора не стало). Они и сегодня волнуют, вызывая в современниках эффект сопричастности к событиям тех грозных лет, заряжая симпатией к героям, которых характеризуют мужество, смелость и интеллигентность, в сознании В.Некрасова соотносимая с понятиями «тонкость» и «деликатность». Сама простота керженцевского повествования – простота подлинной интеллигентности, которая не выпячивает себя [7, с. 123]. Повесть воспроизводит *крошечный ад окопного Сталинграда* – от Сарепты до Тракторного, когда единственным спасением было знать: «десятый день немцы бомбят город. Бомбят – значит, там еще наши. Значит, идут бои. Значит, есть фронт» [12, с. 83]. Не отделяя «я» от «мы», военный инженер Керженцев с «дворянско-декабристской простотой и прямоотой» [2, с. 143] передает фронтовые переживания и впечатления воюющего человека: *Пулеметы нас почти сразу же укладывают. <...> совершенно не могу понять, почему я цел – не ранен, не убит* [12, с. 217]. Элементы натуралистической образности, позволяющие передать жестокость и горечь военных будней в произведениях художников-фронтовиков, в стилиевой системе соседствуют с лирическим началом. В «Окопах Сталинграда» Некрасова оно пробивается в воспоминаниях Керженцева о доме, о родном Киеве, образ которого открывает в русской литературе тему разрушенных городов. При этом память героя хранит «вечные знания», пережившие века и сохраняющие первоосновы нравственного чувства.

Не случайно «космический пейзаж» у Некрасова «подсвечивается» библейскими мотивами и образами: *Вифлеемская звезда сейчас уже над самой головой. Зеленоватая, как глаз кошачий* [12, с. 157]. По-видимому, путеводный образ Вифлеемской звезды ассоциируется и с памятью о Крымской кампании 1853–1856 гг.: с ней досталинградский период Великой Отечественной войны сближает «угроза поражения на собственной территории и угроза потери статуса великой державы» [11, с. 176]. Характерной чертой поведения агрессоров в крымской войне было «унижение православных святынь. Не случайно эта кампания получила также другое название – «Битва за Ясли Господни». В этом ряду – бомбардировка английскими фрегатами 18–19 июля 1854 г. Соловецкого монастыря. В этом ряду – избрание главной мишенью для нападения именно Крыма и Севастополя, который является не только военной базой России на Черном море, но и колыбелью русского православия [6]. Крымская война напоминает и о судьбе севастопольского офицера Л.Н.Толстого, с «Войной и миром» которого В.П. Некрасов не расставался и на фронте [16, с. 118]. На Мамаевом кургане Керженцеву не раз вспомнятся защитники кургана Малахова, а в ходе ночного боя за сопку, занятую фашистами, он отчетливо увидит прямо над головой те звезды, которые, может быть, видел и молодой Л.Н. Толстой, оборонявший осажденный Севастополь. Известно: «В ночь на 11 марта 1855 года под командованием генерала С.А. Хрулева пять тысяч солдат и моряков флотских экипажей пошли на вылазку против французских позиций перед Малаховым курганом. <...> В итоге была ликвидирована неприятельская батарея. <...> Это была самая крупная вылазка за всю оборону. Участником этой вылазки был подпоручик артиллерии Л.Н. Толстой» [3, с. 82], в те годы осознавший, как из несчастий России выливается «чувство пылкой любви к Отечеству» (Л.Н. Толстой). Оттого и Керженцев в дни изнуряющей обороны Мамаева кургана понимает, что *скрытая теплота патриотизма, главная сила наших побед, оказывается сильнее, чем немецкая организованность и танки с черными крестами* [12, с. 83].

В.П. Некрасов продолжает и патриотические традиции русской классики XX в.: не раз упоминается им станица Вешенская. Повесть «В окопах Сталинграда», начинающаяся словами об отступлении нашей армии, не может не вызвать в сознании читателей «Они сражались за Родину» М.Шолохова. Отдельные главы этого романа, начиная с 1943 г., безжалостно «кромсались в ЦК при Сталине», но все-таки публиковались и воспроизводили правду нашего горестного отступления в начальный период войны. Вешенская – «не тот стратегический в истории войны объект», который требовалось обязательно увековечить. «Она, если как-то становилась значимой для пишущего человека, так только по осознанию, кто был у нее главным жителем» [14], сумевшим показать отступление нашей армии как начало пути к Победе. Так и Некрасов в своем творчестве шаг за шагом воссоздает правду военных лет. И на Родине, и за рубежом писатель не изменил себе, стойчески выдерживая упреки в том, что его герои в дни Сталинградской битвы не видят ничего «дальше своего бруствера». Они видят главное: как день за днем, преодолевая себя, рядовые защитники обороняют город, где остановилось казавшееся безостановочным фашистское нашествие. Об этом сам художник помнил всегда и не погрешил против правды, передоверив своему Карташову в рассказе «Девятое мая» самые дорогие воспоминания: *31-е января, яркий, солнечный день, когда немцы драпанули с Мамаева, помнится, как будто вчера произошло. И второе февраля, сталинградский день Победы, все небо в ракетах, трассирующих очередях* [13, с. 535].

В упомянутом рассказе тот самый, вернувшийся из плена немецкий летчик Хельмут, показывает Карташову фотографии: *Это мой «Фокке-вульф-189». <...> А это ваш Мамаев курган. <...> Снимал в октябре. Ты уже был там?* [Там же, с. 534]. *А как же. С пятого октября, - отвечает Карташов, перебирая старые снимки, сделанные когда-то вражеским самолетом-разведчиком. Он узнает «баки на верхушке кургана», «железную дорогу», «завод “Метиз” ... Внезапно: «А это я, – сказал Карташов, – Видишь белую точку? Это я, у меня был белый тулуп»* [Там же, с. 535]. Время по-новому расставляет акценты: оба собеседника многое пережили, да и годы берут свое, приглушая горечь обид: *Ты не думай, что я ... Да я и не думаю ... У нас приказ, у нас бэфель ... Выполний. Но главный тост – его, Карташова: «За Победу!»* [Там же, с. 550]. Вот только беспокойная мысль все волнует победителя, настойчиво возвращая в тот первый победный май: *Сколько ж было ему в сорок пятом? Двадцать пять? Двадцать шесть?* [Там же, с.538]. Словно вступая в творческий диалог с В. Некрасовым, Д. Гранин создает образ главного героя в своем романе «Мой лейтенант» (2011). Через его мировосприятие воспроизводится «единая угрожающая картина» 1941-го: *Вслед за Ленинградом – Москва, Донбасс, выход к Волге* [4, с. 68]. В те дни молодой лейтенант Гранина, как и сам автор, уходит с народным ополчением на фронт, начав свою взрослую жизнь в «промерзших окопах на Ленинградском фронте» (Д. Гранин) и пройдя путь от рядового до командира роты тяжелых танков. В финале романа Д. Гранин, подобно В.П. Некрасову, тоже воспроизводит встречу двух ветеранов, воевавших по разные стороны фронта: мудрый, многоопытный Д., в ком угадывается молодой лейтенант военной поры, в один из юбилеев Победы встречается в нынешнем Петербурге с Густавом фон Эттером, кто в 1940-е «возглавлял какой-то отдел военно-воздушной армии». Теперь, в начале XXI столетия, он просит нашего ветерана, ни в сороковые, ни в послевоенные не принадлежавшего ни к какому «командованию», осуществить «давнюю мечту» – «увидеть Петербург не сверху с самолета, не в бинокль». Помешкав, добавляет: «Ведь мы должны были взять город тогда, в 41 году. Все было готово к этому» [14, с. 307]. А вот то главное, к чему не были готовы фашисты – к встрече лицом к лицу с «горящим в глубине русского характера чувством сопротивления», которое «стимулировалось не усилиями пропаганды, а искони присущей русским беззаветной любовью к Отечеству» [17] в полной мере и раскрывает произведение.

События вечера воспоминаний, уносящих собеседников в далекую фронтовую юность, в сюжете романа Д.Гранина тоже во многом рифмуются с «Днем Победы» В.Некрасова: *Густав, светский человек, достал из бумажника свою фотографию 41-го года. Молоденький щеголеватый офицер в форме военно-воздушных сил стоит, опираясь на тросточку, среди горелых ястребков. <...> А у Д. никакого фотоальбома не было, было несколько плохих, туманных фотографий танковой роты его, вместе*

со своими офицерами при входе в Восточную Пруссию [4, с. 313]. Дело, конечно, не в фотографиях, а в главном: *Победу в Великой Отечественной войне одержал хороший человек. В человеке нравственно слабом война способна развязать всякого рода темные инстинкты*» [9]. Недаром Густав, аристократические манеры и «бархатная любезность» которого настойчиво подчеркиваются писателем, вынужден признать: *«В России мы оскотинились. Стыдно вспомнить* [Там же, с. 311].

У нас иначе: война за Родину открывала «человеку, каков он, что он способен выдержать и не расчеловечиться» [Там же, с. 159]. В романе Гранина отчетливо расставлены акценты: размышляя над вопросом, «пошел бы я в ополчение, будь молодым? <...> Ведь я потерял четыре года, а что взамен?», герой Гранина от лица воевавших и уцелевших дает ответ: «Взамен получил оправдание своей жизни» [Там же, с. 294]. В завершении романа Густав, пораженный великолепием Петербурга, взволнованно произносит: *Сказочный город Хорошо, что он уцелел. Что мы не вошли сюда. Хорошо, что мы не сдались, – сказал я* [Там же, с. 317].

В этом «я» - и голос самого Д.Гранина, и голос его «лейтенанта», «совсем молодого, тоненького, перетянутого ремнем, густая шевелюра торчала из-под лихо сдвинутой фуражки», что уходил в историю вместе с теми, кто не дождался победы, «с Женей Левашовым, Володей Лаврентьевым» [Там же, с. 317] и миллионами других, что остаются навечно в благодарной памяти спасенного человечества. В одном ряду с ними и литературные герои, пришедшие к нам из «юности командиров» (Ю.Бондарев): Юрий Керженцев В.Некрасова, Сашка Вяч. Кондратьева, Борис Костяев В.Астафьева. Какими бы наивными, мечтательными они ни представлялись сегодня, но благодаря им мы живем на родной земле, говорим и думаем на языке русской литературы.

Литература

1. Бакланов Г., Лазарев Л. «Теперь, когда прошло столько лет...» // Вопросы литературы. 1983. №1. С.177–201.
2. Берзер А. О Викторе Некрасове // Дружба народов. 1989. №5. С.142–152.
3. Голикова Л. «...Каждый рядовой – Шевченко, каждый офицер – Бирилев» // Родина. 1995. №3–4. С.80–82.
4. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013.
5. Залина Н. Непростой человек в непростых обстоятельствах // Литературная газета. 15–21 июня 2011.
6. Казарин В. «Битва за ясли Господни»: чем на самом деле закончилась Крымская война» // Литературная газета. 2–8 февр. 2005г.
7. Кардин В. Виктор Некрасов и Юрий Керженцев: о повести «В окопах Сталинграда» и ее авторе // Вопросы литературы. 1989. №4. С.113–137.
8. Конечный В. Последняя встреча//Огонек. 1989. №35. 27 авг.–3 сент. С.11–14; С.28–31.
9. Кураев М. Трудяги войны // Литературная газета. 5-6 мая 2006.
10. Лазарев Л.Некрасов Виктор Платонович // Русские писатели XX века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву, 2000. С. 492–493.
11. Мигранян А.М.Роль насилия в процессе демократизации России // Освобождение духа. М.: Политиздат, 1991. С.168–186.
12. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда // В окопах Сталинграда (Русская классика). М.: Эксмо, 2013. С. 5–324.
13. Некрасов В.П.Девятое мая // В окопах Сталинграда (Русская классика). М.: Эксмо, 2013. С. 532–549.
14. Осипов В. «Ручаюсь головой»: Михаил Шолохов: необычные строчки биографии // Лит. газета. 29 мая – 4 июня 2002 г.
15. Потресов В.Виктор Некрасов: письма с фронта // Литературная газета 5–11 февр. 2003.
- 16.Рябцев В.Фронтвики: очерк // Звезда. 2001. №6. С.113–120.
- 17.Уткин А. «Дальше отступать некуда» // Литературная газета. 9–15 дек. 2009.

“От нас военные года все дальше...”: memory of the Great Patriotic War in the modern Russian literature

There is considered the theme of memory of the Great Patriotic War in the Russian literature of the end XX – beginning XXI centuries that unite the works by contemporary artists, “delayed” literature and the books of the Russian abroad.

Key words: *lieutenant prose, memory, author, hero.*